

### **«Сюрприз» в печке**

Наш путь пролегал дальше на Польшу. Впереди на самой границе Польши и Словакии были населенные пункты Старая и Новая Любовня.

Словаки помогали нам проводниками. Если попадались запутанные дороги, и мы немножко блудили, тогда просили какого-нибудь местного жителя сесть на самоходку, и он выводил нас к намеченной цели.

С боем была захвачена Любовня, а вместе с ней много техники и орудий, и нам был предоставлен короткий отдых. Подошла армейская баня и развернула свою палатку. Нас пускали в палатку по 20 человек. Последний раз мылись месяц назад. Когда помылись, получили чистое белье, портянки и были очень довольны.

Для отдыха выбрали небольшой домик, и наш экипаж прекрасно в нем устроился. Ночью, когда уже легли спать, я вдруг услышал тиканье. «Ну, — думаю, — все! Дом заминирован, взорвут!». Прикладываю ухо к стене — тикает, к полу — тикает, пришлось вызвать саперов. Они быстро нашли мину — это были часы-будильник, которые спрятали в печке. Вот так «сюрприз» нам приготовили! Ночь прошла, конечно, без сна.

### **Наши комбаты**

Мы стали готовиться к дальнейшему наступлению на город Новый Тарк — это уже на польской стороне. Подошел тыл полка, заправились топливом, уложили в боеукладки снаряды и стали готовиться к дальнейшим боям. К нам приехал начальник артвооружения капитан Харченко, кото-

рый сообщил нам очень тяжелую весть о том, что командир батареи старший лейтенант Петров, который горел в Печерско-Нововесе, умер в госпитале от сильных ожогов, скончались также члены его экипажа. Так не стало легендарного Петрова. О нем написал в книге «Через Карпаты» Маршал Советского Союза А. А. Гречко, бывший тогда командующим 1-й гвардейской армией.

*«При прорыве вражеской обороны в районе Собранцы исключительную самоотверженность и героизм проявил командир самоходно-артиллерийской батареи 1498-го самоходного артиллерийского полка коммунист старший лейтенант Петров. Поддерживая наступление 876-го стрелкового полка 276-й стрелковой дивизии, Петров во главе своей батареи стремительно ворвался в расположение противника. Огнем и гусеницами наши воины уничтожили шесть противотанковых орудий, девять станковых пулеметов, девять дзотов, наблюдательный пункт и сто сорок солдат и офицеров противника. Было захвачено 35 пленных».*

Такие подвиги совершали все наши командиры батарей: Четвергов, Степаненко, Решетников, Бученков, а полк был награжден тремя орденами.

### **Вызываю огонь на себя**

Полку была поставлена задача преследовать отходящего противника, не давать ему закрепиться на выгодных рубежах и сходу овладеть городом Новый Тарк. Мы так и действовали и к вечеру вышли к окраинам этого города.

Мне дали еще одну машину, командир которой не был обстрелян и не умел воевать на са-

моходке. Я его проинструктировал, сказал, что не только из пушки нужно стрелять, но и бросать в траншеи гранаты, уничтожать панцерфаустников из автоматов, не давая им высунуться из траншеи.

Я был на левом фланге наступающих войск. Связался с командиром стрелкового батальона, и мы договорились о взаимодействии. Я его предупредил: «Если ты будешь помогать мне против панцерфаустников, то тогда двигайся за машинами, под нашим прикрытием, и мы быстро продвинемся вперед».

Впереди была траншея, и я начал из пушки расстреливать немцев, которые там находились. Их волной выметало, как метлой. Бросал также гранаты, стрелял из автомата. Слева идущая самоходка начала отставать. Я предупредил самоходчика, что так делать нельзя, иначе я его накажу.

К вечеру мы подошли к реке, протекавшей перед городом. Мост был заминирован, и там работали саперы. Но через мост мы не пошли, хотя он был уже безопасен, а пошли правее через брод, (лед еще держался). Вышли на противоположный берег, и тут я заметил, как впереди у дома мелькают фигуры в белых маскировочных халатах. Я открыл по ним огонь, но командир просил прекратить стрелять, так как там впереди действует разведка полка.

Начали продвигаться вперед, в сторону Нового Тарка, нас поддерживали «Катюши». Весь город был увешан лозунгами антисоветского содержания — «Долой большевиков!», «Долой колхозы!», было много листовок с портретом Сталина, прикрытым фиговым листком и с клеветой на нашу советскую действительность.

Впереди воевали власовцы. Между собой мы договорились — пощады им не давать. Мы быстро продвинулись к центру города, и к утру фактически Новый Тарк был освобожден. Нам дали передышку. Механик-водитель нашел хороший дом, в котором полячка приготовила нам постель, и мы улеглись все на отдых. Так прошел день, а к вечеру подтянулся штаб полка. Ко мне подошел командир взвода управления и приказал освободить помещение, объясняя тем, что здесь будет располагаться начальник штаба Коваленко. Я ему ответил: «Здесь будет располагаться тот, кто освобождал Новый Тарк». Он удалился, но передал, наверное, начальнику штаба и тот затаил на меня злость (что в дальнейшем и подтвердилось, когда он оформлял наградные листы).

На другое утро мы двинулись вперед в направлении Яблунковки. Прошли 12 километров, вошли в этот населенный пункт и выбили немцев и власовцев оттуда.

На следующий день, пройдя через лесной массив, мы вышли на его опушку, где располагалась наша стрелковая часть. Впереди перед нами простиралось чистое поле, но было оно все в темных кочках. Я спрашиваю командира взвода: «Что это такое?» «А это, — говорит он, — наши погибшие бойцы». Впереди был поселок Минерцуковка, из которого выбили наш полк, и очень многие погибли, особенно на открытом поле.

Начал наблюдать за Минерцуковкой (она располагалась в 600–800 метрах от опушки леса), и увидел, что там идет бой в большом красном доме. Оказывается, в нем осталась часть наших красноармейцев, которые удерживали этот дом. Я решил оказать им помощь. Механику-водителю Юре Ша-



САУ Су-76 ведет бой в городе

ронову приказал на предельной скорости выдвигнуться к этому дому. Только проскочили, как сзади раздались взрывы мин и снарядов. Но мы успели.

Я зашел в подвал этого дома. Там находилось до 15 наших солдат, из них половина раненых, которые не отступили, остались здесь сражаться.

К вечеру немцы повели наступление против нашего левого фланга.

Между домами было пространство, и я увидел «живой забор». Как оказалось, это шла цепь немцев. Мы начали расстреливать их из пушки, из автоматов, из трофейного пулемета МГ-42. Немцы суетились, падали, но вновь поднимались и продолжали вести наступление.

Я поддерживал постоянную связь с заместителем командира полка майором Страховым, он помогал мне своими советами. Когда совсем стемнело, и вышла луна, немцы замерзли (мороз был градусов 15), свернули свою цепь и зашли в небольшой домик.

Механик-водитель Юра Шаронов насчитал 35 человек. Всадили мы в этот домик три фугасных снаряда, и из него никто не вышел. А последний снаряд пустили бронебойно-зажигательный, который сжег этот дом полностью.

Когда услышали, как в центре села заурчал мощный мотор танка противника и закрипели гусеницы, сделали пару выстрелов бронебойными снарядами, и рев прекратился. Впоследствии мы узнали, что наши снаряды попали прямо в гусеницу, разорвали ее. И попытки гитлеровцев натянуть ее («фердинанд» несколько скатился под откос), не были успешными.

Вдруг сзади, с тыла, по нам начали стрелять осветительными ракетами. Моя машина была выкрашена в белую краску, которая со временем потускнела и стала серой. И, фактически, находясь в тени дома, (луна светила с другой стороны), она была невидима. Поэтому фашисты и освещали путь ракетами тем, кто подползал.

Враги быстро подобрались к машине, и уже находились в метрах в 50–60. Они решили, видимо, отомстить за свое поражение. Впереди из-за дома послышался крик: «Самоходчик, сдавайся, ты окружен!» Я ему ответил, что он изменник и будет уничтожен, добавив еще напоследок русских слов в три этажа. Но он продолжал кричать еще целый час.

Немцы нас окружили и подошли уже вплотную. Мы боялись, что они забросают нас гранатами. Радиостанция работала хорошо, и я связался с майором Страховым, попросил открыть артиллерийский огонь, оказать нам помощь. Он сказал, что артиллерии нет. Как потом оказалось, когда отступал полк, артиллерия была брошена в центре насе-

ленного пункта Минерцукровка. А у нас оставалось всего три снаряда: два бронебойных и один подкалиберный. От стрельбы осколочно-фугасными снарядами пушка раскалилась, и с противооткатных устройств начал хлестать стеол (жидкость, которая заполняла противооткатные устройства). В машине, кроме боекомплекта к пушке, имелся еще ящик гранат Ф-1 (20 штук). Кроме того, каждый член экипажа имел свой ППШ и два диска к нему.

Когда мне сказали, что нет артиллерии, я решил отбиваться от наседавших фашистов сам, и стал бросать гранаты вокруг самоходки. Выбросил восемнадцать штук, а две гранаты положил в карман на всякий непредвиденный случай. Доложил, что все мои возможности по защите использованы и сказал, что мы вызываем огонь на себя.

Майор Страхов передал по рации, что ищет возможность оказать нам помощь. Я дал ему наши координаты и сказал, чтобы открывали огонь прямо по нам, иначе через 10–20 минут немцы нас забросают гранатами и нам будет конец.

Он сказал, что будет дан залп «Катюш», ожидайте, укройтесь. Немцы начали подползать к машине вплотную. Мы укрылись в машине. Механик, наводчик и заряжающий легли на днище, а я стал наблюдать за опушкой леса, которая была у нас в тылу. Увидел сверкающие полосы, которые тянулись в нашу сторону, лег на днище, и тут загрохотало.

Корма самоходки была открыта, в нее летели осколки, сыпалась земля и кусочки льда. Слева по самоходке был сильный удар, с правой стороны тоже. Это разрывались снаряды «Катюш», а сзади было огненное месиво, и слышались крики фашистов: «Цюрюк! Цюрюк! Цюрюк!». После этого ог-



Младший лейтенант Кузовенко (в центре)  
после легкого ранения в голову. Фото 1945 г.

ненного смерча все затихло, наступила зловещая тишина.

Наводчик орудия Смирнов был ранен в руку, (большая дырка была в мышце руки), меня ранило в челюсть и мелкие осколки прошлись по голове, но я был на ногах. Вышли из машины и увидели: снаряд «Катюши» попал прямо в левый передний каток, так называемый «ленивец», каток исчез, с ним же исчез и кривошип, на котором крепился каток, гусеница была разорвана и раскатилась. Часть траков исчезла тоже. Рядом лежал стабилизатор от «катюшинского» снаряда. С правой стороны снаряд попал прямо в глушитель. Исчезли глушитель и ящик с ЗИПом, где был шест и ершик, которым протирали ствол пушки.

Потом, когда я много раз рассказывал этот эпизод из военной жизни, меня спрашивали: «А как тебя и твой экипаж наградили за тот подвиг, который вы совершили, вызвав тогда огонь на себя?». И я всегда отвечал, что лучшей наградой для нас



было то, что мы остались живы и победили, уничтожив не менее 80 фашистов. И это было действительно так.

«Докладываю, что мы живы, но ранены, — сказал я майору Страхову. — Машина повреждена сильно». В ответ нам поступил приказ восстановить машину и выйти в район Яблуновки, где располагалось наше ремонтное подразделение, санчасть и часть штаба полка.

Выбросив часть поврежденных траков, натянули гусеницу: она стала короче без переднего катка, завели двигатель. Двигатель ревел, так как не было глушителей, мы развернулись и с ревом помчались в сторону наших войск, которые находились на опушке леса.

Прибыли в расположение ремонтной роты, и ремонтники сразу же взялись за ремонт машины. А я поспешил в санитарную часть к врачу Чернокрылову. Наводчика Смирнова Гену отправили в медсанбат, а мне залепили лоб, кровоточащий нос, и я, не спавши двое суток, свалился спать здесь же, в санчасти.

Утром проснулись, нас хорошо покормили, дали нового наводчика, тоже Смирнова — лучшего наводчика полка, который много уже повоевал и был награжден двумя орденами Славы и орденом Красной Звезды.

Ремонтники хорошо постарались, заменили передний каток вместе с кривошипом, натянули гусеницу, заменили часть траков, у которых гребень был срезан как бритвой, установили глушители, загрузили боеприпасы и заправили машину ГСМ.

Пока никакой команды не поступало, я решил вернуться назад на опушку леса, там ведь мои боевые товарищи. Проехав километра три, мы стали

---

на опушке леса. Вокруг лопались немецкие мины, слышался ружейно-пулеметный огонь. Спрашиваю командира стрелкового взвода (он был маленького роста), младшего лейтенанта: «А в доме остались наши?» «Да, — говорит, — остались, они сражаются». И я решил вернуться на свое место, помочь сражающимся пехотинцам.

Взяли мешок хлеба, сухарей, термос воды. С командиром стрелкового взвода договорились о том, что когда я поеду к этому дому, чтоб он со своим взводом (12–14 человек), бежал очень быстро за машиной, под прикрытием самоходки.

Мы поехали по дороге, потому что на поле было много трупов, и никто не хотел ехать по нашим погибшим бойцам. Дорога была скована прочно морозами, поэтому мин на ней не было. И в это время мы увидели дымки со стороны немцев — это у них работали кухни, наступало время обеда. Мы проскочили этот открытый участок, и я снова остановился у этого дома.

Бойцов накормил, дал воды. Стрелковый взвод расположился слева от машины, укрылся за домами. Я увидел, что наша пехота перешла в наступление справа на высоте, правее населенного пункта Юрцуковки, а слева появилась самоходная установка. По номеру я определил, что это Волгин, с которым мне уже приходилось воевать. Он вошел в лощину и начал потихоньку карабкаться на противоположный берег. Здесь протекала небольшая речушка. Стрелковый взвод перешел эту речушку и закрепился на противоположном берегу. Кругом горели дома от выстрелов наших «Катюш», и от них шло тепло.

Начал наблюдение за домом слева, который находился от меня метрах в 150-ти. Коман-

дир стрелкового взвода был рядом за самоходкой. Обнаружил, что правее дома в окопах стоят два орудия калибра 76 мм примерно, и немцы их начали разворачивать против нас. Четырьмя нашими выстрелами эти орудия были поражены, и немцы разбежались.

Волгин на самоходке начал подниматься на противоположный берег к левой стороне дома. Из-за дома высунулся ствол орудия и, если бы Волгин еще чуть-чуть поднялся, то ему был бы конец — в борт его машины впился бы снаряд и не один. Я думал, как помочь Волгину? Пробить стены дома невозможно. Тогда я приказал Смирнову Славе стрелять по стволу. Это было недалеко, метрах в ста от нас, а Смирнов был стрелком отменным. Я сказал, чтобы он стрелял бронебойно-зажигательным, чтобы было видно летящую трассу и было легче попасть в ствол. Первый снаряд прошел выше, а после второго выстрела кусок ствола вражеского орудия отлетел. Волгин был спасен.

В это время я услышал стон и увидел упавшего командира стрелкового взвода, младшего лейтенанта. Я вышел из машины, начал поднимать его, но мне тоже досталось. Пуля попала в бедро, и нога у меня подломилась. Стреляли, видимо, из подвала сзади стоящего дома. Сначала боль была такая, будто металлической палкой ударили по ноге, а потом стало горячо, потекла кровь. Экипаж затащил меня и командира стрелкового взвода в машину, по радиостанции доложили о моем ранении, и последовал приказ немедленно отправить нас в медсанбат.